

Литература

1. Игумнов А.Г. Поэтика русской исторической песни. – Новосибирск: Наука, 2007.
2. Игумнов А.Г. Рифма и событие // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 4.
3. Игумнов А.Г. Витальное и конкретно-историческое в русской исторической песне // Вестник Бурят. гос. ун-та. Филология. – 2011. – Вып. 10.
4. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.
5. Емельянов Л.И. Русские исторические песни XVIII в. // Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / Изд. подг. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. – Л.: Наука, 1971.

Принятые сокращения

XVI – Исторические песни XIII–XVI веков (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Б.Н. Путилов, Б.М. Добровольский. – М.-Л.: Наука, 1960

XVII – Исторические песни XVII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О.Б. Алексеева, Б.М. Добровольский, Л.И. Емельянов, В.В. Коргузалов, А.Н. Лозанова, Б.Н. Путилов, Л.С. Шептаев. – М.-Л.: Наука, 1966.

XVIII – Исторические песни XVIII века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. О.Б. Алексеева и Л.И. Емельянов. – Л.: Наука, 1971.

XIX – Исторические песни XIX века (Памятники русского фольклора) / изд. подг. Л.В. Домановский, О.Б. Алексеева, Э.С. Литвин. – Л.: Наука, 1971.

Игумнов Андрей Георгиевич, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент кафедры русской литературы Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Igumnov Andrew G., senior research associate at Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Russian Academy of Sciences, associate professor at department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Тел.: +7-9146368804; e-mail: anigumnov@mail.ru

УДК 398.22

© *Т.А. Голованева*

Отражение обряда хватания невесты в корякских и ительменских сказках

В статье рассматриваются особенности отражения древнего обряда хватания невесты в фольклоре аборигенных народов Камчатки. Автор анализирует, как меняется сказочная формула ‘*набросился* → *родила*’ в связи с исчезновением брачной обрядности.

Ключевые слова: ительмены, коряки, фольклор коряков, сказки, персонаж, мифологический эпос, этнографические истоки, брачный обряд.

Т.А. Golovaneva

The ceremony of seizing the bride in fairy tales of Koryak and Itelmen people

The article is devoted to peculiarities of displaying the ancient ceremony of seizing the bride in the folklore of the indigenous people of Kamchatka. The author analyzes changes of the fairy formula ‘*tear on (smb.)* → *bore*’ due to wedding ceremony disappearance.

Keywords: Itelmens, Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, personage, mythological epos, ethnographic origins, wedding ceremony.

Особенности жизни, быта, ведения хозяйства органично вплетаются в текст мифологической сказки, несмотря на то, что сказка во многом ориентирована на преодоление реальности, создание фантастического мира. Отрыв от реальности не может быть абсолютным. Тот факт, что этнографическая реальность влияет на особенности сюжетообразования сказок, не вызывает сомнений. Возникает закономерный вопрос: что происходит с устойчивой сказочной формулой, возникшей на базе этнографических реалий, по мере того, как эти реалии исчезают из жизни этноса.

Один из самых устойчивых эпизодов, встречающихся в корякских мифологических сказках о сватовстве: *‘жених набрасывается на невесту → (мгновенно) рождается ребёнок = брак состоялся’*. Факт совершения брака героев сказки передаётся при помощи устойчивой формулы, которую условно можно представить так: *‘набросился → родила’*, например:

(1) *Потом Кэсяняру, младшая сестра Тинианевыт, пошла за крапивой, потому что отец Куткыннюку сказал: – Сходи за крапивой. Ревёт крапиву [Кэсяняру], а Рагэмчисъын (Куропатка-человек) набросился на неё. Что ж сделаешь, родила. Туда повёз домой её [Архив Мальцевой, т. 5, с. 32].* (Здесь и далее используются сокращения: т. – текст, с. – страница. В статье все фрагменты сказок даны в переводе на русский язык, сведения о рассказчиках представлены в конце публикации.)

В таблице приведены данные, позволяющие наглядно представить частотность и ареал сохранения формулы *‘набросился → родила’* в повествовательном фольклоре коряков и ительменов (общее количество рассмотренных текстов: 281 корякских, 48 ительменских).

Формула *‘набросился → родила’*
в ительменских и корякских сказках

Условное обозначение текста	Рассказчик	Год рожд. расск.	Место рожд. расск.	Место записи текста	Год записи текста	Этнос
[Меновщиков 1974, т. 187]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 188]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 192]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 193]	?	?	?	р-н Хайрузово	1910 – 1911	ительм.
[Стебницкий 1938, с. 42-43]	Безуглова Н.	?	?	с. Кичига	1928	коряк.
[Меновщиков 1974, т. 175]	Заев М.	?	?	с. Утхолок	1929	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 149]	Варганов М.Т. (Ивтакрат)	?	?	с. Колтушное	1955	коряк.

[Меновщиков 1974, т. 171]	Брагина Т.Н.	1906	?	с. Тигиль	1965	ительм.
[Меновщиков 1974, т. 136]	Гуторова Е.Д.	?	?	с. Карага	1966	коряк.
[Кибрик и др. 2000, т. 7]	Киюк А.И.	?	?	с. Вывенка	1972	коряк.
[Жукова 1988, т. 11]	Кавав Т.Я.	1911	п. Палана	п. Палана	1970 – 1980-е	коряк.
[Жукова 1988, т. 25]	Кычгэнка Г.Н.	1939	с. Белоголовое	?	1970 – 1980-е	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 5]	Васагиргина В.В.	1944	рядом с с. Вывенка	с. Вывенка	2004	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 61]	Притчина М.И.	1918	с. Анапка	п. Оссора	2005	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 81]	Чечулин В.Н.	1942	с. Анапка	п. Оссора	1992	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 82, 83]	Чечулина Е.И.	1938	с. Анапка	п. Оссора	1991, 1992	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 90]	Эхивнав Е.А.	1944	с. Вывенка	с. Вывенка	2004	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 112, 114, 115, 119]	Нестерова И.Е.	1933	с. Подкагерная	с. Тымлат	2005	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 108]	Нестеров А.Е.	1937	с. Подкагерная	с. Тымлат	2000	коряк.
[Архив Мальцевой, т. 126, т. 127]	Белоусова В.К.	1930	с. Лесная	п. Палана	1992	коряк.

Сказочная формула '*набросился* → *родила*' восходит к конкретному обряду. Свадебная обрядность коряков состояла из следующих элементов: 1) жених отрабатывает в доме невесты право жениться, 2) после получения согласия родителей жених набрасывается на невесту, 3) после удачного набрасывания жених везет невесту к своим родителям, 4) встреча невестки в доме родителей мужа сопровождается охранительными ритуалами. Все элементы брачной обрядности в той или иной мере отразились в мифологических сказках.

Первый исследователь аборигенных народов Камчатки С.П. Крашенинников, обратив специальное внимание на соблюдение брачных обрядов у ительменов, детально описал процесс хватания невесты: «Когда жених получает позволение хватать невесту, то он ищет такого случая, чтобы где-нибудь напасть на неё в малолюдстве: ибо она бывает тогда под охраной всего женского пола того острожка, которые редко от неё все отлучаются. Сверх того во время хватания бывает она одета в двое или трое штанов, опутана сетями рыболовными и ремнями увязана так, что она не может поворотиться, как статуя. И если жених улучит в малолюдстве свою невесту, то бросается с великим стремлением, дерёт на ней одежду и сети, чтобы коснуться её тайного уда: ибо это у них вместо венчания почитается. Меж-

ду тем, как от самой невесты, так и от других баб и девок происходит такой ужасный крик; и хотя сама невеста при этом не противится, да и противиться не может, однако охранительницы поступают с женихом так немилосердно, бьют его, таскают за волосы, терзают лицо, и всякие средства употребляют, чтобы ему не дать схватить невесты. И если жениху посчастливится предприятие свое произвести в действо, то он сам отстраняется прочь от невесты, а она даёт знак его победы умильным и жалостным голосом *ни ни*» [Крашенинников, с. 121-122]. Записи Г.В. Стеллера практически слово в слово повторяют описание С.П. Крашенинникова [Стеллер, с. 197]. Подобный обряд в середине XVIII в. наблюдался и у коряков северо-западного побережья Охотского моря [Вдовин, с. 206].

Интересно, что из всех имеющихся в нашем распоряжении фольклорных текстов нет ни одного упоминания о том, что невеста опутана одеждой. Также ни в одной из сказок нет указаний на то, что женщины защищают невесту, нанося увечья жениху. Чем можно объяснить полное отсутствие некоторых элементов обряда хватания в сказках?

Окутывание невесты одеждой имело место не только в середине XVIII в., но и намного позже. В начале XX в. В.И. Иохельсон также отметил эту особенность брачного хватания: «Когда отец решит, что пора кончать отработку, он объявляет жениху, что тот может взять свою невесту, то есть жениться на ней. Никаких брачных церемоний и празднеств не бывает. Брак совершается первым совокуплением. Но до этого он узаконивается символическим актом. <...> С помощью подруг невеста завязывает рукава и штанины своего комбинезона так, что снять его можно, только разрезав или развязав ремешки. В тот день, когда жених получает право взять её, невеста всё время ходит таким образом завязанная и старается убежать всякий раз, когда жених подходит к ней. Жених пользуется удобной минутой, чтобы неожиданно напасть на неё, разорвать или разрезать ножом одежду и коснуться рукой её половых органов» [Иохельсон, с. 189].

Тот факт, что ни в одной из сказок нет упоминаний об опутывающей невесту одежде, может быть обусловлен двумя причинами.

Первая причина: сказка – это условное отражение реальности. Реально существовавший обряд хватания невесты с опутыванием ее одеждой в сказках редуцирован до формулы *'набросился → родила'*, что ускоряет динамику развертывания действия, но, с другой стороны, изображение набрасывания, лишённое деталей, выглядит как абсолютно условное.

Вторая причина: возможно, хотя обряд защиты невесты и окутывания ее разной одеждой, существовал в начале XX в., никто из рассказчиц в реальности не испытывал его на себе и не видел со стороны. Рассказчик не может воссоздать детали, если у него не было личного опыта знакомства с ними. Из текста в текст переходит только очень ограниченный круг бытовых деталей, которые имеют сюжетно значимые функции.

В корякских сказках иногда совершенно неожиданно отражаются мелочи быта коряков: особенности утвари, инструментов, кулинарных блюд,

специфика национальной одежды. Такие детали в сказках появляются по воле конкретного рассказчика, они редко носят сюжетообразующую функцию, но призваны моделировать изображение как фактурное, в некотором смысле даже реалистичное. Эти детали не являются частотными, они составляют индивидуальный набор приёмов конкретного рассказчика, который воссоздаёт изображение, ориентируясь не только на услышанный им ранее текст сказки, не только на повествовательные каноны этнической традиции, но и на свой личный бытовой опыт.

Обратимся к современным записям корякского фольклора. Самая старшая из рассказчиц, в текстах которой зафиксирована формула *‘набросился → родила’*, Мария Иннокентьевна Притчина, 1918 г. рождения. Выйти замуж она могла не ранее, чем после наступления половой зрелости (не ранее чем в 1930 г.). Вопрос в том, каким был обряд хватания в 30-е гг. XX в., т.е. что могло попасть в сферу личного опыта рассказчицы.

С.Н. Стебницкий, проводивший свои исследования в 20-е гг. XX в., ничего не пишет о том, каковы были особенности обряда хватания в этот период. Но отсутствие сведений об этом обряде в исследованиях 1920-1930-х гг. компенсирует художественный текст. В 1939 г. в повести «Хоялхот» обряд хватания со всеми подробностями изобразил корякский писатель Кеццай Кеккетын:

(2) Тотчас бросился к невесте, хотел схватить её за грудь. Но девушка не далась. Тогда стали бороться. Полог покачнулся и покрыл их как сетка от комаров. Он повалил девушку и придавил, как важенку перед убоём. Тут она отняла свои руки от груди, и потерявший рассудок парень наложил ей на грудь свои ручки. Вдруг блеснул острый женский нож для кройки шкур. Но жених выхватил у Мэллэ нож и отбросил в середину юрты. Тотчас вышел и ушёл к стаду. <...> Так несколько ночей подряд являлся к невесте. Девушка по-прежнему не сдавалась. <...> Снова принялись бороться, и теперь эта строптивая девушка сопротивлялась чем попало – зубами, ножом, ногами, головой. Полог упал, от девушкиной кухлянки оторван весь перёд.

До того боролись, что оказались все в пепле, потому что, борясь, то и дело в очаг попадали. Посильней была бы женщина да чуть послабей мужчина – давно бы разорвала его в клочья.

“Что же это? Родители сами отдают меня ему. Как быть? Ославят меня”, – так вдруг подумала Мэллэ во время борьбы и со всей силы ударила его по щеке...

И тогда бросилась на подстилку из шкур, легла как заколотая важенка.

Так сдалась она этому медведю и – словно от дурмана очнулась – легла с ним и обняла его [Кеккетын, с. 58-59].

Заметим, что в этом эпизоде Кеццай Кеккетын, ориентированный на реалистичное изображение действительности, не упоминает о том, что невеста окутана одеждой. Возможно, эта часть обряда хватания в 30-е гг.

XXв. исчезла или была уже не так обязательна, как раньше, поэтому она и не сохранилась в фольклорных текстах.

Защита невесты другими женщинами во время хватания – богатая для сюжетообразования тема. Это не бытовая деталь. Здесь все, наоборот, должно было бы работать на сохранение данного элемента в сказке: возможность введения эпизодических персонажей (женщин-защитниц), возможность моделирования диалога, эмоциональная насыщенность, зрелищность эпизода. Всё это свойственно корякским сказкам. Однако ни в одном из текстов нет женщин-защитниц невесты, что, вероятно, связано с исчезновением этой составляющей из обрядовой практики. В этнографических исследованиях начала XX в. уже нет упоминаний об охране невесты женщинами-защитницами невесты. Это согласуется и с текстом повести «Хоялхот». В повести Кецкая Кеккетына женщины не только не нападают на жениха, но, напротив, осуждают Мэллэ:

(3) Всё стойбище уже узнало о том, что «взятие невесты» началось. Мэллэ и Хоялхот не раз слышали замужних женщин, говоривших: “Или у неё другой, тайный муж есть? Почему не может он смирить её? Отчего это? Когда с нами совершали «взятие невесты» наши покойные родители говорили нам: едва коснутся твоей груди руки жениха – ты уже принадлежишь ему” [Кеккетын 2010, с. 58].

Исчезновение элемента обряда из реальной обрядовой практики влечет за собой редукцию эпизода, восходящего к данному обряду. С другой стороны, в фольклорных сказках, зафиксированных в начале XXI в., сохраняются отголоски обряда хватания невесты, который исчез столетие назад. Что позволяет сюжетному элементу сохраняться и транслироваться в повествовательной традиции этноса, утратившего ту обрядовую базу, на основе которой возникла конкретная сюжетная ситуация? Дело не только в исчезновении или редукции первоначально возникшей на обрядовой базе сказочной формулы, но и в переосмыслении этой формулы.

Первоначально и в обрядовой практике, и в текстах активность принадлежала жениху. Традиционно могло быть только две стратегии поведения невесты.

Первая стратегия: невеста пассивна.

(4) Быстро утром вышел, спрятался, этот береговой: “Ик, вот сюда идёт красавица в красивой одежде с вороньим носом. Вот она, хорошая женщина, оказывается, ещё и красива. Погоди: “Наброшусь-ка я на неё”, – начал этот. На юкольник залез. Что ж, внезапно набросился на неё береговой. Куткыннюку!: «Авы-вы-вы-вы! Не надо! я, я не женщина. Я мужчина”. “Обманываешь, может, женюсь”. “Я же вороний Куткыннюку. Я не женщина”. Что ж, всё-таки родил Куткыннюку этот”. Ик, сын родился [Архив Мальцевой, т. 114, с. 796].

Этот фрагмент интересен тем, что в роли невесты выступает Куткыннюку, который мало того, что является мужчиной, но ещё и обладает особым могуществом. Однако роль невесты делает его совершенно пассивным.

Вторая стратегия поведения невесты: невеста активно сопротивляется.

(5) [Чичичъын говорит Амамкуту]: *Пока не торопись, я буду на бубне играть, быстро на неё бросайся. Если быстро набросишься, подумаешь, вот возьму её, ни за что не возьмёшь. Я больше не могу с ней ничего сделать.* <...> Амамкуту не терпится, зашевелился. (Чичичъын) поёт: *“Не торопись. Сделаешь себя неудачником”*. Заторопился, не дослушав, налетел на неё Амамкут, потому что красивая женщина. Убежала Капарнав’ (Росомаха-Женщина), не смог удержать, убежала [Архив Мальцевой, т. 112, с. 767, 769].

В фольклорных сказках неудача жениха в борьбе с невестой – явление редкое. Может быть, в данном фрагменте определённую роль играет роль и охотничья практика. Соотношение охотничьих и брачных обрядов – отдельная тема. В приведённой сказке активное сопротивление невесты в следующем эпизоде подавляется действиями жениха:

(6) *Потом он (Чичичъын) стал звать Амамкуа. Поёт: О-чик-чик, чик-чик-чик, ток-ток-ток, ток-ток-ток, ток-ток-ток, ток-ток-ток (т. е. ‘ну, давай!’)”. Набросился вдруг на ту, о которой пели, схватил её Амамкут. Не смогла убежать Капар (Росомаха), хоть и сильно шевелилась. Быстро она родила ребёнка, пока боролась, родила росомаха. Сына родила. Хватит тебе шевелиться, вон ребёнка раздавишь. Успокоилась: “Оказывается, ты меня обманул, спрятал человека”. Тогда женился [Амамкут] на Капарнав (Росомахе-женщине), повёз домой к Куткыннюку [Архив Мальцевой, т. 112, с. 771].*

Первоначально в сказках набрасывание жениха на невесту было связано именно с брачным обрядом хватания, но никак не просто с половым актом. Это можно утверждать с полной уверенностью. Во-первых, набрасывание в сказках всегда заканчивается браком, а во-вторых, самый любвеобильный и постоянно вступающий в беспорядочные половые связи герой корякского фольклора – Куткыннюку – никогда ни на кого не набрасывается. Он испокон веку женат на домовитой и мудрой Мити, поэтому все его любовные похождения не более чем кратковременные измены.

В современных текстах, рассказчики которых уже, как правило, не знают о существовавшем некогда обряде хватания невесты, формула *‘набросился → родила’* переосмысливается, воспринимается как вполне естественное изображение половой связи между персонажами сказки. Наблюдается несколько вариантов модификации традиционной формулы *‘набросился → родила’* в современных сказках.

1. Невеста соглашается поддаться жениху:

(7) *“Тинианэвыт, давай поборемся”. “Давай”. Начали бороться. Тинианэвыт родила [Архив Мальцевой, т. 90, с. 628].*

О взаимности раньше не могло бы быть и речи: «Мать предупреждает дочь, что жених получил разрешение взять её, а обычай требует, чтобы невеста не сдавалась без борьбы, даже если она любит своего жениха» [Йохельсон, с. 189].

2. Набрасывание изображается не как одномоментный, мгновенный акт хватания (ведь достаточно было просто коснуться рукой половых органов невесты), а как длительное действие, растянутое на целый день (8) или даже как многократное действие (9):

(8) *Вот он узнал какую жизнь, Сисисъын. Посмотрел: девушки красивые. Амамкун сразу напал. На Илгинанав'ыт (Белое-Облако-Женщина) женился Амамкунтыкыльын. Эту Гивонав'эт целый день валял Сисисъын и ничего* [Архив Мальцевой, т. 81, с. 578-579].

(9) *В дом быстро побежал Акатню. Добрался до дома дочки (нинвитов), щёлкнул дверь, что ж, открылась. Сразу начал набрасываться на нинвитову девушку. Очень красивая нинвитова дочка. Что ж, она родила ребёнка нинвитиха. <...> Посмотрела [мать-нинвитиха], а он [Акатню] опять на дочери возится* [Архив Мальцевой, т. 119, с. 877].

3. Рассказчик, с позиции здравого смысла понимающий, что ребёнок мгновенно родиться не может, пытается объяснить условную, традиционную для корякских сказок формулу 'набросился → родила':

(10) *В разгар игры на бубне, заплакала женщина. Кинулся на женщину, родила ребёнка. – Э, оказывается, женщины с детьми бывают. Жёны с детьми, оказывается, жена (его), Тнаут, женщина. Домой привёз* [Архив Мальцевой, т. 61, с. 375].

4. Рассказчик изображает не набрасывание, а более понятное ему действие (в частности, близость, объятие). Изображается беременность, роды. Все это находится за пределами традиционной формулы и появляется в сказке уже как попытка рассказчика упорядочить повествование, подчинить некоторой логике, которая подсказана ему жизненным опытом:

(11) *Оказывается, красивый человек и так со мной сделал, потому что ночью обнял её. Что ж начал приближаться к ней. Живот огромный, беременная. Стали кушать. Приблизился. Живот огромный, "Плохо, живот что-то болит". Ну надо же, начала рожать, потому что ночью он обнял её* [Архив Мальцевой, т. 115, с. 809]. Интересно, что от устойчивой формулы остается лишь мгновенность рождения ребенка.

5. Рассказчик сохраняет действие набрасывания, но делает пояснение, объясняющее и ему, и слушателям, что скрывается за этим набрасыванием: *га=нав=пэнты=лэн* 'букв. женщино=набросился'. Ранее обряд набрасывания не нуждался в пояснении:

(12) *Вышла младшая сестра. Эмэмкунтыкыльын набросился на неё как на женщину. Женился удачно на младшей сестре.<...>. Что ж, она (младшая сестра) родила, ребёнок появился. И начал говорить Эмэмкунтыкыльын: "Поехали домой к Куткыннюку"* [Архив Мальцевой, т. 126, с.921].

6. Акт набрасывания исключается полностью. Вместо глагола *пентык* 'наброситься' рассказчик употребляет глагол *акмитык* 'взять' (13) или глагол *таматаһык* 'жениться' (14, 15):

(13) *Начали уже вокруг неё собираться молодые парни. Вскоре взял Рыттытиниангавыт (Морошку-Тинианавт) Титкымсысын. Она родила*

ребёночка. Тут стали они у Мити и Куткыннюку жить [Кибрик и др., т. 7].

(14) Тогда сказал отец (Хайэлгыт): “Хоть и отказывается она за тебя идти, бери её в жёны”. Женился. Домой вернулись. Опять жить начали [Лымныло, с. 42-43].

(15) На другую начал смотреть как на женщину. Стал пытаться жениться на ней. Эта женщина согласилась. Что ж, женился на ней [Архив Мальцевой, т. 108, с. 712].

Во фрагменте (15) отступление от первоначальной формулы не только в том, что жених не набрасывается, а женится, но и в том, что невеста согласна.

Условная сказочная формула ‘набросился → родила’ первоначально представляла собой отражение древнего брачного обряда, затем, будучи сохраненной в сказках, после утраты соответствующей обрядовой практики начала переосмысливаться рассказчиками, видоизменяться, дополняться деталями, понятными и рассказчику, и слушателям. Произошло смещение смысла сказочной формулы из обрядовой практики в практику социального поведения.

Сведения о текстах, использованных в статье

Архив Мальцевой (архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2010 гг. А.А. Мальцевой, ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН (расшифровка аудиозаписи и перевод на русский язык произведены А.А. Мальцевой при участии коряков-алюторцев), т. 5. – Рассказала Вера Васильевна Васягиргина, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Сказка записана экспедицией Института филологии СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 61. – Рассказала Притчина Мария Иннокентьевна, 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана А.А. Мальцевой в п. Оссора в 2005 г. Текст сказки расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.Я. Волковой в п. Оссора в 2007 г., М.И. Поповой в п. Палана в 2006 г., Л.И. Чечулиной в г. Елизово в 2009 г.

Архив Мальцевой, т. 81. – Рассказал Чечулин Василий Николаевич, 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Сказка записана в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 82. – Рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана А.А. Мальцевой в п. Оссора в 1991 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.Я. Волковой в п. Оссора в 1991 г.

Архив Мальцевой, т. 83. – Рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Сказка записана в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 90. – Рассказала Эхивнав Елизавета Андреевна, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Сказка записана экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

Архив Мальцевой, т. 112, 114, 115, 119. – Рассказала Нестерова Ирина Егоровна, 1933 г. р., уроженка с. Подкагерная. Сказки записаны А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2005 г. Тексты расшифрованы А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Архив Мальцевой, т. 108. – Рассказал Нестеров Алексей Егорович, 1937 г.р., уроженец с. Подкагерная. Сказка записана А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

Архив Мальцевой, т. 126. – Рассказала Белоусова Варвара Кондратьевна, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Сказка записана совместной экспедицией ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Палана в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

Лымныло, с. 42-43. – Рассказала Н. Безуглова. (Сведений о месте и дате рождения рассказчицы нет). Сказка записана и переведена на русский язык С.Н. Стебницким в с. Кичига в 1928 г.

Кибрик и др., т. 7. – Рассказала Киюк Анна Ивановна. (Сведений о месте и дате рождения рассказчицы нет). Сказка записана и переведена на русский язык А.Е. Кибриком в с. Вывенка в 1972 году.

Литература

1. Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973.
2. Иохельсон В.И. Коряки: культура и материальная организация. – СПб.: Наука, 1997.
3. Кеккетын К. Эвныто-пастух. Повести на корякском и русском языках. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010.
4. Кибрик А.Е., Кодзасов С. В., Муравьева И.А. Язык и фольклор алоторцев. – М.: ИМЛИ РАН, 2000.
5. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. Т. II. Репринтное издание 1755 г. – СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.
6. Лымныло. Нымыланские (корякские) сказки / сост. С.Н. Стебницкого. – Л.: Художественная литература, 1938.
7. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.

Голованева Татьяна Александровна, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук.

Golovaneva Tatyana Aleksandrovna, research fellow, department of Siberian folklore, Institute of Philology, Russian Academy of Science (Novosibirsk), candidate of philological sciences.

Тел.: +7-9140527760; e-mail: gta-77@mail.ru